

ФАНТОМЫ УЛИЦЫ СТРОИТЕЛЕЙ

"РайОН.0" в Музее Москвы — исторические артефакты спальных районов

"Никого не будет в доме, кроме сумерек. Один Зимний день в сквозном проёме Незаждёрнутых гардин".

Слова Бориса Пастернака, спетые на 3-й улице Строителей.

ПОДЪЕЗД моего детства-отрочества расписывали "Здесь-был-Васями", именами рок-групп и короткими непечатными словами. Ближе к потолку шла констатация: "Спартак — чемпионы!", "ЦСКА — кони!", а "Динамо" как водится, "мусор". Все примиряла романтика: "Оля + Коля = Любовь", с непременным сердечком, пронзённым стрелой Купидона. Поскольку капремонто делали редко, то всякое следующее поколение оставляло свои наскальные художества рядом с творчеством старших братьев. Вот уже и Вася в армии отслужил, и не торчит с гитарой на лестнице, и Оля с Колей поженились, а корявые размашистые надписи оставались, как мемуары. Да, соседний подъезд был не лучше — всё та же гамма и палитра. Спальный район. Задорные человечества. Почему вдруг возникли эти образы?

В Музее Москвы открылась выставка "РайОН.0", где одной из креативных особенностей является ипсанная фоновая стена — большие и малые буквы, накиданные вполуха — будто вот-вот откроется дверь и злой дядька поймает за ухо, дабы отволочь в милицию. Да, те "Спартаки" и АСiDC всегда рисовались наспех, с хулиганским азартом и безо всякой эстетической омысленности. Молодые авторы проекта — им 20-35 лет — решили освоить опыт позднесоветской эпохи и, как выразились устроители: "Рассказать о повседневности бетонных окраин 1970-х—90-х годов". Однако записаны тут странные послания — о пылесосе "Ракета", о смене культурного героя в конце 1980-х (был Смокуновский, а потом — бац! — Сталлоне), о кедрах "Два мяча", о "варёнках" — модных джинсах времён перестройки.

Экспозиция — многослойна и нестандартна. С одной стороны — предлагается "вспомнить всё" и пустить ностальгическую слезу при виде пластмассового крокодила Гены в красном свитере (игрался в детском саду) и приёмника Spidola (вечер на соседской даче); с другой стороны — попытаться выискнуть в то, что хотели сказать младые чада о нашем детстве: много заушных инсталляций, не все из которых поддаются логическому осознанию. Лично мне оказалась ближе первая часть, вернее — первый слой, историко-архивный. Часы, куклы, посуда, велосипед. Полагаю, дело в моём косном восприятии — как пел один надменный рокер: "Мне триста лет, я выполз из тьмы". Я — оттуда же. Не обесцудите. Но не всё так плохо. Интересны, как я уже сказала, настенные письма и ещё — тема сетки, являющейся

не только заграждением. Сетка — это структура; чётко спланированное, вычерченное районирование с домами-клонами. Авторы ввели в свою игру и мсье Ле Корбюзье с его рациональным безумием, и проектирование 1960-х—70-х безо всякой привязки к местности. Современные дезурбанисты и сторонники малозатражности называют эти дома — "человеиники". Система человеиника — она убивает душу, запугавшуюся в "сетке". В целом, выставка — симпатична. Я словно побывала на той самой, 3-й улице Строителей и разложила по полочкам все меуарные обрывки: любая вещь рождает смысловой ряд и — толпы ушедших образов. Тени былого. Фантомы улицы Строителей.

Спальные районы, куда граждане приезжают именно спать, тогда как работают они в центре, жёстко высмеял Эльдар Рязанов в своей новогодней комедии о бане, иронии судьбы и однообразных комнатах с низкими потолками. С польскими гарнитурами и заливающей рыбой, которая, как все помнят, — "гадость". Ключи и те — подходят. Собственно фильм предвещал мульт-заставка: бравый марш стандартных домов, захватывающих планету. В каждом городе есть она — 3-я улица Строителей, где, быть может, не поют бардовские песни на стихи Пастернака, зато всё остальное — ровно такое же. Выставка "РайОН.0" — приблизительно об этом. О схожести наших биографий. О том, что всё это — лежало на письменном столе, хранилось в маминной сумочке, стояло в холодильнике. У меня, у тебя, у всех. "Я, ты, он, она, вместе — целая страна!", — кричала эстрадная певица по фамилии Ротару.

Зелёный пенал с карандашником навевает мысли о школе, а кубик Рубика — о том, как мы урутили его на всех переменах и даже на скучных уроках, а скрип его ярких блоков предательски выдавал нас. На излёте 80-х появились электронные игры — с волком из "Ну, погоди!", ловящим куринные яйца в корзинку. Миф гласил, что если собрать наибольшее число баллов, то покажут мультфильм. За стеклом — громоздкий Тетрис, шутка 90-х. Железный конструктор "Школьник": он был начисто лишён смешливой развлекательности "Лего", в нём всё намекало на техническую сложность и грядущую профессию. Советский мир выращивал технарей, а пока они ещё не определились, им дали игрушки: машинки, большоголовую пластмассовую куклу, зверя-Чебурашку и юлу-волчок. Вещи — знакомы буквально на ощупь. "Крутится волчок", — звучало из колонок соседа (меломана и длинноволосого тунейдца). "Люблю волчок, забаву детства. / Его вращенья чудодейство. / Не сомневался ни на йоту, / В движении, думал я, живёт он", — орала группа "Крузи" на весь дом: парень любил выставить свою "бандуру" на подоконник. И — крутился волчок нашего нескончаемого, солнечного дня. На стенде — типичнейший проигрыватель "Аккорд", следом —

приёмник VEF — им ловили на даче "вражеские голоса", точнее — Севу Новгородцева с программой о роке. Богатство золотых 80-х: видеокассеты, стоявшие от 200 до 300 рублей у фарцовщика, а за импортный видеошник дураки отдавали машину. Туликовая ветка техно-цивилизации — сейчас мы всё смотрим на экране ноутбука и давным-давно выбросили те шикарные VHS-носители фирмы TDK с надписями: "Терминатор-2", "Робокоп", "Аэроплан", "Рембо. Первая кровь". Рядом — красный телефон. Он кажется новым и вот-вот звонит...

Устроители выставки не думали о точности дат — всё свалено в кучу, вернее, извлечено со стареньких антреселей и выставлено в произвольном порядке, поэтому термо-бигуди сменяются оглавными солдатиками из набора "Древнерусские воины"; сувенирные часы, выпущенные к Фестивалю-85, находясь в необъяснимой близости к ноутбуку 1990-х с его чмоdannыми формами. Трогательная детская шапочка из искусственного меха! Много разных шапочек: лыжная, конькобежная, ещё какие-то страшно знакомые варианты. Их носил весь наш двор. И — ваш двор. И тот двор, что в соседнем городе. И в маленьком ПГТ со смешным названием, где скорый поезд никогда не останавливается. "Это наша с тобой биография!", — как пело радио в эпоху пятизвёздочного генсека.

Под стеклом — три номера издания Burda Moden. Это был не просто западный журнал, но — учебник складной жизни. Выйкрой для скрупулёзно-прижимистых немецких фрау казались оперениями экзотических птиц, а блюда, которые оказывались не столь вкусны, сколь нарядно сфотографированы, вызывали жутчий интерес и почти классовую ненависть. "Бурду" покупали у всё тех же спекулянтов, что фарцевали джинсами, видеокассетами и дисками лохматых рок-групп. Доставали и — с придыханием разглядывали. Пытались шить. Но листать тонкие странички с долгие-витой — ещё приятнее, чем пытаться что-то свагангить. И — триумфальное шествие! В 1987 году появился русскоязычный вариант, и — понеслось.

Вот — знаковый номер с Машей Калининой, первой коронованной "Мисс" в Советском Союзе. "Московская красавица-88" стала чем-то вроде визитной карточки перестройки и потому — пребывала на пике славы. О Маше писали хвалебно-карамельные статьи и пересказывали дурацкие сплетни. По стране прокатилась волна (нет, цунами) конкурсов красоты, и одним из призов неизменно были косметические наборы. На выставке вы увидите коробочку, в которой — многоцветные тени для век и акуратные кисточки для растушевки; полупроупное зеркало и возможность дамского счастья. Конечно, девушкам-богиням, выгляпывавшим на сцене какого-нибудь ДК в бирюзовых и ярко-розовых купальниках, дали наборы подо-

роже — что-нибудь, увенчанное златою розой фирмы Lancôme, а здесь — польская подделка, лишь напоминающая о роскоши. Но для большинства и этого хватало для полноты ощущений. Ещё немного перестроенного шика — "варёные" шорты с высокой талией. Продавались на Рижском рынке в Москве или таких же гипербарокопах в других городах. Можно было стряпать и самостоятельно — авторы экспозиции даже рассказывают, как это делали "древние люди", то есть мы.

Следует далее! На витрине разложен мужской парфюм, крем и пена бритья "Арбат", а ещё — электрическая бритва, из тех, что дарила Надя жениху Ипполиту — в доисторическую эру, на 3-й улице Строителей. Уютные формы вещей: шейная машинка "Тула", пылесос "Ракета", цветочная ваза 1960-х со скромно-стильным орнаментом. Создавалась на века, надолго — чтобы и правнучки пользовались. А правнучки смотрят, как на обломки ушедшей империи. Бытлык из-под кефира (их увековечила "Гостя из будущего") и лимонада, баночка простокваш, треугольные пакеты (они часто протекали, и надо было поймать "убегающее" молоко). Кошёлка для яиц из металлических колечек. Мощные сифоны для домашней газировки — в их облике было нечто буржуозкое; пузатые сифоны чаша рисовали на карикатурах, изображавших буржуазную high-life.

Неброская на вид банка из-под растворимого кофе — он в те годы котировался выше свежемолотого, точно так же, как химические конфетки в блестящей обёртке воспринимались "круче", нежели натуральный шоколад советского (то есть

высшего) качества. Гранулы растворимого кофе — это вынужденность, быстрота, завтрак маленького клерка. А в мои 70-е бывал анекдот, воспроевзвдённый, кстати, авторами экспозиции: "На базу привезли растворимый кофе, и он тут же растворился". Бездна смыслов! Работники продовольственных баз бесперебойно воровали и привлекались к уголовной ответственности за "растворение" дефицитных продуктов.

Калейдоскопическое многообразие экспонатов: документы, учебники, микрокалькулятор, младенческие кубики, альбом с марками, сигареты — и в том числе "Друг", которые курил Юрий Деточкин, и которых, увы, не было во времена Шекспира; книжка братьев Стругацких с "Понедельником..."; уже малопонятным циничному поколению перестройки. Белосипед "Орлёнок", лёгкий и динамичный — для тех, кто ещё не дорос до "Урала", но уже вырос из "Школьника". Тогда этим словом — "орлёнок" — называли пионерлагеря, отряды, песни. Звонкое лето — с горным и "Зарницей", с финальным котром и припевом: "Мы оставим на память в палатках / Эту песню для новых отрядов". И дачная ракетка для игры в бадминтон, с пёртым воланом. Где-то шумит электричка, и звучат позывные радиостанции "Маяк". Сейчас Надя с 3-й улицы Строителей будет петь голосом Аллы Пугачёвой: "По улице моей который год / звучат шаги — мои друзья уходят". Но остаются вещи, предметы — как письма из прошлого в неясное будущее.

Галина ИВАНКИНА

Фото Алексея КУСТРОМИНА. Из архива АРБ

"Ваше превосходительство, ведь вы не захотите вычеркнуть из жизни моей дочери ещё один год только ради того, чтобы не создавать прецедента? Наша девочка получила самые высшие отметки и вполне подготовлена к выступлению на сцене", — не скрывала тревоги мама Тамары Карсавиной; будущая дива "Русских сезонов" закончила обучение в Театральном училище на улице Росси в семнадцать лет, тогда как по существовавшим правилам покидать его стены разрешалось только в восемнадцать. "Я весьма удивлён, сударыня, что вы считаете годы, проведённые в училище, вычеркнутыми из жизни, — возразил глава Дирекции Императорских театров Владимир Теляковский. — Наоборот, лишний год даст ей ещё тоньше отточить своё мастерство".

ПРОШЛО СТО ЛЕТ. В Театральном училище на улице Росси, "замке Спящей красавицы на берегу Лебединого озера", ныне — Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой изменилось, в сущности... немного.

Блюстители традиций всё так же ревностно хранят священный огонь помпезного классического танца. Воспитанники — всё с той же безудержностью отработывают искромётность па, заносок, чопорность ептрёе, певучесть протяжённых линий. Экзаменационный спектакль выпускников всё так же — эмблема Академии. Сюпринг. Интрига. Почти спортивный интерес. Заданные балетоманы спешат увидеть будущих артистов престижных сцен, возвестить о появлении яркого дарования. Русский балет, он такой. Полон тонкостей, уловистости, видения... И сколько бы ни повторяли: уж слишком долго существует за счёт трёхсотлетнего багажа, фраприрующая виртуозность фузте остаётся его аллегорией. На этот раз экзаменационные спектакли выпускников Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой прошли в Петербурге 10, 12 и 16 июня, в Москве — при поддержке Министерства культуры — 18 июня.

Москва. Кремлёвский дворец. С высоты балкона сцена напоминала старинную музыкальную шкатулку. Поверхность крышки откинута — в причудливых, фантастических узорах, в

пейзажах средиземноморского благоухания. Включается заводной механизм, и под звуки музыки, кружевной, ажурной, появляются в танце фарфоровые, мраморные статуэтки. Изысканные лепки, в костюмах специального "балетного стиля", щедро облитые эмалью ярких и пастельных тонов, в сверкании бриллиантовой крошки. Всё вместе — производит впечатление диювинки, создаёт счастливо-взволнованное настроение праздника.

Балет по сути своей — иррационален. Искусство, что немислимо вне мифотворчества, а реинкарнация мифотворчества — уже искусство. Происходящее на сцене Кремлёвского дворца — ещё одно тому подтверждение. Картина "Подводного царства" из балета "Конёк-Горбунок", характерные танцы из балета "Лауренсия". Третий акт из балета "Неаполь". Третий акт из балета "Пахита", как марши каскадной лестницы следуют один за другим, и каждый — оммаж, каждый приношение великим мастерам Тальони, Блазису, Бурноиволю...

В таких балетах — всё по-другому. Другие люди, другие звуки, другие идеалы, манера держать себя тоже другая. Здесь даже движения называют по-французски, а на носок встают для того, чтобы вдруг оторваться от земли и прочертить сильфидную, похожую на след Млечного пути в белую ночь, траекторию в Вечность. И это, "другое", имеет свойство необыкновенно трогать душу. Даёт право видеть в "других" носителях какого-то высшего начала.

Картина "Подводного царства" из балета "Конёк-Горбунок" оказалась — во всяком случае, для меня — открытием "другого" мира. Да и сама история балета — примечательна.

В 1864 году хореограф француз Артур Сен-Леон, руководитель петербургского балета, в союзе с композитором итальянцем Цезарем Пуни преобразовали детскую сказку Пути Ершова в роскошную хореографическую пьесу. Так появился в России первый русский балет. Премьера его состоялась на сцене Большого театра (сегодня здесь здание Петербургской консерватории). Пышность декораций, световые и шумовые эффекты, орнаментальность хореографии заставили заговорить о "Коньке-Горбунке" как о чуде из чудес, "апофеозе нашего балетного реперту-

ВИДЕТЬ КРАСОТУ

Встреча с ректором Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой Николаем ЦИСКАРИДЗЕ

"ЗАВТРА". Этим желанием было продиктована ваша работа и над созданием Центра Русского балета во Владивостоке?

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. Это было поручение президента нашей страны Владимира Владимировича Путина в рамках задачи по развитию Приморья. Михаил Борисович Пиотровский должен был создать во Владивостоке филиал Эрмитажа, Владимир Александрович Гусев — Русского музея и Валерий Абисалович Гергиев — Мариинского театра, а я — филиал Академии Русского балета имени Вагановой. 1 сентября 2016 года Центр был открыт первым, мы набрали двенадцать детей. От журналистов — мне позвонили, когда я был в музее Лондона, — узнал, что на совещании Владимира Владимировича Путин выразил удовлетворение результатами моей работы, даже привёл в пример. Это было очень приятно, хотя первая мысль была: журналисты меня просто разыгрывают. Через два с половиной года Центр передали в ведение Московской государственной академии хореографии. Однако не все родители захотели переводить детей, и нам ничего не оставалось, кроме как взять их в Петербург, разместить в общежитии и по классам. Под эгидой Московской академии создаются в настоящее время филиалы в Кемерово, Калининграде и в Севастополе. На Академию Русского балета имени Вагановой возложена новая задача, ещё более масштабная. Академия должна отвечать теперь за повышение квалификации педагогического состава по всей стране. Академия будет проводить уроки и в онлайн-режиме, классы уже специальным образом оборудуются, на это выделены гигантские средства.

"ЗАВТРА". Есть ли интерес к Центру со стороны Китая с Кореей и Японией? Артисты балета этих стран не перестают удивлять выучкой и мастерством.

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. Такой интерес есть, и есть взаимопонимание. Дело в том, что в своё время и Корея, и Китай переняли нашу советскую систему художественного образования. В этих странах существует государственная программа, в рамках которой власти выделяют колоссальные средства на развитие музыкальных, хореографических учебных заведений, возводят школы. Хореографии обучают по системе Вагановой, и потому среди педагогического состава — много специалистов из России или же тех, кто когда-то учился у нас. В Японии — по-другому. Здесь частные школы, за исключением одной государственной при Токийском оперном театре. Во время последних гастролей Академии Вагановой в Токио руководителем этой школы, господжа Асами Маки, привлекла меня ко встрече с мэром Токио, с другими чиновниками. Говорили о важности поддержки государственного художественного образования.

"ЗАВТРА". Вас не смущает стирание границ между школами Русского балета и теперь уже между странами?

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. Деление балета на школы: например, московскую и петербургскую, — мифология критиков, искусствоведов. Нет балета ленинградского (или петербургского) и московского, нет балета мужского и женского. Есть балет плохой и хороший. И раньше качеству преподавания

уделяли большое внимание. Я ещё учился в Московском хореографическом училище и помню, как педагогов, в том числе — именитых артистов Большого театра, могли уволить за недостаточный уровень обучения воспитанников. Как-то директор училища Софья Николаевна Головкина даже госказмен остановила из-за явно безобразной подготовки к нему. Отношение к профессии было серьёзным.

"ЗАВТРА". В 2018-м, в год 200-летия Петила и 280-летия Академии Русского балета имени Вагановой, из государственного экзамена выпускников Академии вы создали целое масштабное действо с привлечением лучших мировых школ. С какой целью?

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. Цель была одна: обратить внимание на сохранность шедевров Петила, на состояние классического балета в нашей стране. И подчеркнуть ещё и ещё раз: балет в России — это искусство номер один, это национальное достояние.

"ЗАВТРА". И власти России ваше убеждение разделяют?

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. Люди, принимающие государственные решения, понимают степень катастрофы, в которую хотят ввергнуть Русский балет. И не только балет.

"ЗАВТРА". Тем не менее, мемориальная доска Петила — едва ли не единственный памятник этому гению Русского балета, была установлена на стене здания Академии Русского балета имени Вагановой исключительно благодаря вашей инициативе и вашим стараниям.

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. Да, я долго ходил по инстанциям, добивался, чтобы мемориальная доска Петила была установлена. В результате, доска была установлена на иностранные деньги, на деньги спонсоров, каждому из которых я отправил благодарственное письмо.

"ЗАВТРА". Почему балет французца Петила воспринимается во всём мире как Русский балет? В чём, на ваш взгляд, секрет Петила?

Николай ЦИСКАРИДЗЕ. В работе предшественников Петила, великих французских и итальянских балетмейстеров. Помогла и ситуация в России: Императорский Двор ценил и щедро финансировал балет. Но, конечно, прежде всего, — в самом даровании Петила. К тому же, он ведь был очень умным чадредворцем. Он прекрасно понимал, что вариация на Кшесинскую не может повторяться Павловой, у которой другие данные, другие способности. Поэтому он говорил: не можешь — не делай, и создавал специально под каждую балерину комбинации. И это — антизападная система. В русском искусстве индивидуальность ценилась в миллиарды раз больше, чем техника исполнения. Да, есть правила, которые нарушать нельзя, профессиональные правила, но что касается персонализта, то в русском искусстве оно — превосходно.

"ЗАВТРА". Любопытно. Треть века в медийном пространстве России пытаются уничтожить классический балет, агрессивно навязывают современные западные стандарты, но публика продолжает жить "по старинке", выбирает "Лебединое озеро" Петила, "Спартак" Григоровича. Почему?

"ЗАВТРА". И публика этого ждёт.

Материал подготовила Марина АЛЕКСИНСКАЯ